

Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке

Артем О. Бадеев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия,

badeev.artem@live.com

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор основных особенностей системы указательных местоимений и их дейктических функций в шугнанском языке. В основе исследования лежат данные полевой работы, а именно эксперимента, в ходе которого информанты озвучивали предложения с шугнанскими демонстративами. Полученные данные изложены в виде таблиц с последующим обсуждением. В исследовании используются различные теоретические подходы к изучению дейксиса: с одной стороны, бицентрический подход, опирающийся на анализ отношений участников речевого акта, с другой – представления об оппозиции лично- и дистантно-ориентированных систем в свете представления о дейктическом как удаленном от дейктического центра, т. е. говорящего. В этом ключе данная статья стремится совместить достижения обоих подходов. В результате предлагается обновленное представление о вариативности указательных местоимений в шугнанском.

Ключевые слова: восточноиранские языки, шугнанский язык, демонстративы, дейксис

Для цитирования: Бадеев А.О. Вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 5. С. 23–47. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-23-47

Variability in the usage of demonstratives in Shughni

Artyom O. Badeev

HSE University, Moscow, Russia, badeev.artem@live.com

Abstract. This article provides an overview of the main features of the Shughni system of demonstratives and their deictic functions. The study is based on the fieldwork data, namely an experiment during which the informants responded with Shughni demonstratives. The data obtained are presented in the form of tables with subsequent discussion. The study uses diverse theoretic approaches: on the one hand, a bicentric approach to deixis, examining it through the relations of the participants in a speech act, on the other hand, the idea of the opposition between person- and distance-oriented systems following the mainstream thinking about deixis as remoteness from deictic center, that is, the speaker. In this vein, this article seeks to combine the achievements of both. As a result, an updated understanding of the variability of Shughni demonstratives is provided.

Keywords: Eastern Iranian languages, Shughni language, demonstratives, deixis

For citation: Badeev, A.O. (2022), “Variability in the usage of demonstratives in Shughni”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 23–47, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-23-47

1. Введение

Указательные местоимения в языках мира обладают дейктической функцией. В работе [Плунгян 2011, с. 237] указывается: «...под дейксисом (*греч.* ‘указание’) в общем случае понимается “шифтерная” ориентация объекта или ситуации, т. е. указание на их положение в пространстве или времени относительно “дейктического центра”, связанного с речевым актом». В свою очередь, традиционно [Bühler 2011, р. 117–122] различается дейксис лица, пространства и времени. Указательные местоимения (иначе: демонстративы) отвечают за пространственный дейксис: общую удаленность, положение референта относительно непосредственных участников дискурса (локуторов) и дейктического центра [Diessel 1999, р. 35–36]. Так, последний может быть понят как область концептуализации дейктических значений, отправная точка для указания. Обычно дейктический центр рассматривается как область, где находится говорящий, центр речевого акта [Плунгян 2011, с. 254; Diessel 1999, р. 35–36].

Демонстративы формируют оппозицию в отношении удаленности от дейктического центра. В русском языке различаются указательные местоимения *этот* и *тот*: *этот* является указанием на дейктический центр, тогда как *тот* на все, что находится за его пределами. Такая типология могла бы объяснить системы демонстративов, основанные сугубо на отношениях удаленности, но неадекватна для тех систем, где употребление демонстративов независимо (или же зависимо не только) от их положения относительно дейктического центра. Х. Диссель описал разногласия лингвистов по этому вопросу: одна точка зрения основана на том, что демонстративы в языках мира неразрывно связаны с указанием на дистантный контраст; в соответствии с другой позицией употребление демонстративов зависит от расположения референтов относительно локуторов, сами демонстративы могут не иметь при этом дейктической функции [Diessel 1999, p. 37–39]. Последнее предположение дало современной лингвистике представление об оппозиции личного и дистантного контрастов в дейксисе [Anderson, Keenan 1985, p. 282–286]. Сам Диссель сообщает, что дейктический центр может находиться не только в области говорящего (исключая адресата), но и в общей области обоих локуторов [Diessel 1999, p. 41].

Интересно иметь в виду также эксперимент с дейксисом телефонного разговора Ю.Д. Апресяна, согласно которому «ключевой фигурой» дейксиса является не говорящий, а наблюдатель, который обзревает всю ситуацию со стороны. «Пусть некто ищет авторучку, которая, по сведениям говорящего, лежит на телефонном столике сбоку от телефонного аппарата. Говорящий может сидеть спиной к столику. Однако, направляя поиск, он будет ориентировать ручку относительно телефона не со своей точки зрения, а с точки зрения ищущего» [Апресян 1986, с. 278]. Следовательно, говорящий создает свой образ, который и становится дейктическим центром. Позиции наблюдателя и говорящего могут совпадать, однако в отдельных случаях, например, когда говорящий не видит референт и адресата, но направляет последнего так, как будто наблюдает референт с его позиции, дейктический центр и позиция говорящего могут не совпадать. Соответственно, помимо удаленности от дейктического центра, видимость объекта, а также его расположение и перемещение по вертикальной оси (*elevation*), ориентиры на местности (в гору или вниз по реке) могут играть решающую роль в употреблении демонстративов, хотя дейктическая природа этих факторов оспаривается [Diessel 1999, p. 41].

Предметом изучения данной работы является употребление указательных местоимений в шугнанском языке (иранская группа, восточноиранская подгруппа, памирские языки) в пространствен-

ном контексте (временной контекст в данной работе не рассматривается)¹. Демонстративы шугнанского языка были описаны рядом исследователей-памироведов как в широком рассмотрении класса местоимений, так и в рамках исследований дейксиса. Приведем некоторые из работ [Карамшоев 1963; Эдельман 1976; Беликов 1972; Аламшоев 1994; Юсуфбеков 1998; Mueller 2015]. Из них дейксису в шугнанском посвящены монография [Юсуфбеков 1998] с крупной базой примеров и концептуализацией дейктических понятий, а также сравнительно недавняя работа [Mueller 2015], которая не учитывает данные [Юсуфбеков 1998], однако рассматривает дейксис в шугнанском языке с позиции грамматики ролей и референции (Role and Reference Grammar – RRG). Цель нашей работы заключается в том, чтобы с современных типологических позиций и с новым языковым материалом описать вариативность в употреблении указательных местоимений в шугнанском языке.

2. Методология работы

В данной работе анализируются примеры употребления демонстративов в пространственных контекстах, полученные в ходе интервьюирования на основе метода, примененного и описанного в статье А.А. Ростовцева-Попеля [Ростовцев-Попель 2009]. В основе проведенного нами исследования лежит эксперимент, производимый в пространстве комнаты или же вне помещения, где информантам предлагалось поучаствовать в диалоге в роли говорящего и озвучить просьбу адресату (в этой роли выступал автор данной работы) подать ему/ей какой-либо предмет, а именно: «подай мне (э)тот X», — употребив один из демонстративов. Предметы располагались на одной горизонтальной оси на одинаковом расстоянии в 1–2 метрах друг от друга. Их количество, а также положение участников дискурса менялось от одного эксперимента к другому. Ответы информантов, собранные в таблицах, будут приведены ниже. Предпочтение отдавалось первым полученным ответам, однако, если информант ссылаясь на альтернативную возможность, эти данные также фиксировались.

Всего было проведено четыре эксперимента: три основных (участвовали 12 информантов, эксперименты проводились подряд один за другим) и один дополнительный (участвовали два информанта, не принимавшие участия в других экспериментах). Были

¹ Более подробную классификацию родства см. [Edelman, Dodykhudoeva 2009, p. 787–788].

опрошены носители шугнанского языка, проживающие в городе Хорог, кишлаке Дашт в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана, в Душанбе, в Москве и Московской области. Среди опрошенных были как люди, окончившие только среднюю школу, так и люди с высшим образованием. Были представлены как мужчины, так и женщины младшего и среднего возраста от 17 до 60 лет. По роду занятий информанты были школьниками, студентами, преподавателями в институте или национальных группах, домохозяйками.

В следующих разделах будет дан обзор системы указательных местоимений (далее УМ) шугнанского языка, затем по очереди будут анализироваться данные каждого из проведенных экспериментов, сопровождаемые иллюстрациями, примерами употребления демонстративов и таблицами с ответами информантов там, где это необходимо. На основе как имеющихся описаний шугнанской системы УМ, так и работ на материале других языков будут рассмотрены полученные в ходе каждого из экспериментов ответы информантов. Так, в четвертом разделе будут приведены данные первого эксперимента, направленного на определение немаркированного компонента в шугнанской системе УМ, в пятом – второго, где ответы информантов будут поделены на две стратегии употребления УМ на основании лично-дистантной оппозиции дейктических систем, в шестом – третьего эксперимента – теста на невидимость с дополнительным сбором данных для уточнения возможности «общего указания» в шугнанском языке. Седьмой раздел представляет собой заключение.

3. Обзор системы указательных местоимений шугнанского языка

В табл. 1 ниже представлены указательные местоимения шугнанского языка. В шугнанском языке различают прямую и косвенную падежные формы, при этом местоимения в косвенном падеже могут выражать в том числе значение посессивности [Аламшоев 1994, с. 31]. Все местоимения в косвенной форме, а также местоимения третьей серии в прямом падеже имеют грамматический показатель рода. Также все местоимения различают формы единственного и множественного числа. Помимо дейктической функции, указательные местоимения всех степеней удаления обоих падежей могут употребляться в качестве определенного артикля. М.М. Аламшоев отмечает, что это происходит «при повествовании

в тех случаях, когда предмет, лицо или понятие собеседнику ясны, а референт лишь напоминает о них» [Аламшоев 1994, с. 34]. ср. пример (1).

- (1) **Dam** *jīngāl=and* *yi* *yulā* *aγdal* *barjōy*
 D.II:F:O:SG лес=LOC один большой дракон на месте
vic *xi* *daδ* *odam-at* *aywūn* *naγjīdow*
 быть:PF:F и тогда человек-и животное проходить:INF
na-lākiχt. **Yā** *aγdal* *anjīvd-at*
 NEG-отпускать:3SG D.III:F:N:SG дракон хватать:3SG-CONJ
ar čī-yaθ *abêχd.*
 каждый-то проглатывать:3SG.

‘В этом лесу жил один большой дракон и не давал пройти людям и животным. (Тот) дракон хватал любого и проглатывал’ [Аламшоев 1994, с. 34].

Вслед за работами [Беликов 1972; Юсуфбеков 1998; Эдельман 1976] мы обращаемся к типологии К. Бругмана², который выделяет три серии указательных местоимений: I, II, III, где I серия – это указание на сферу говорящего (“Ich-Deixis”), II серия – указание на сферу адресата (“Du-Deixis”), она же берет на себя эмфатическое и анафорическое указание (“Der-Deixis”), а III серия – указание на сферу другого, третьего лица (“Jener-Deixis”). Эта типология, построенная на материале индоевропейских языков, позволяет рассмотреть шугнанский и шире индоевропейский дейксис в диахронии.

Принятие типологии К. Бругмана в нашей работе связано с особенностями системы демонстративов шугнанского языка, где референция происходит как относительно дейктического центра, так и позиций обоих участников дискурса, что нередко для трехчастных систем [Diessel 1999, р. 38–41]. В свою очередь, Ш.П. Юсуфбеков описал шугнанскую систему демонстративов как бицентрическую (в противоположность моноцентрической), где определяющую роль в употреблении указательных местоимений играет положение участников дискурса относительно референта и друг друга [Юсуфбеков 1998, с. 138–139]. Типологическая оппозиция ближний–средний–дальний, отражающая отдаленность референта от дейктического центра [Diessel 1999, р. 39], видится нам неподходящей для характеристики системы демонстративов шугнанского языка. Принять ее означало бы игнорировать доводы предшественников.

² *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (eine bedeutungs geschichtliche Untersuchung). Berlin: B.G. Teubner, 1904. 166 S.

Таблица 1

Система демонстративов в шуганском языке
[Юсуфбеков 1998, с. 12]

Серия и значение	Падеж	Род	Единственное число	Множественное число
Ich-Deixis	прям. косв.	м. ж.	yam mi mam	māḍ mēv
II Du-Deixis Der-Deixis	прям. косв.	м. ж.	yid di dam	dāḍ dēv
III Jener-Deixis	прям. косв.	м. ж. м. ж.	yu yā wi wam	wāḍ wēv

4. Эксперимент первый.

Определение немаркированного компонента

В каждом эксперименте представлены разные ситуации, как это можно увидеть на рис. 1, где по очереди изображены два опыта.

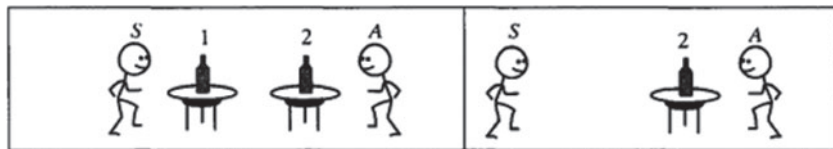

Рис. 1. Эксперимент первый [Ростовцев-Попель 2009, с. 28]

В ходе первого опыта между локуторами: говорящим (S) и адресатом (A) на равном расстоянии находились референты под номерами 1 и 2 (изображение 1). Во втором опыте объект под цифрой 1 отсутствовал. В данном эксперименте и дальнейших это могли быть любые подручные предметы (чашка, яблоко,

книга и т. п.). Для нашей работы не было принципиально, чтобы объекты были одинаковыми (например, две чашки, три книги и т. п.). В обоих опытах говорящему предлагалось обратиться к адресату с просьбой подать ему объект под цифрой 2. Во всех случаях информанты прибегали к употреблению II серии демонстративов:

(2)	<i>ku</i>	<i>dam</i>	<i>čaškā</i>	<i>dāk-Ø</i>
	EMP	D.II:F:O:SG	чашка	давать-IMP
	‘Пожалуйста, подай мне (э)ту чашку’ (источник: эксперимент)			

Здесь следует рассмотреть УМ II серии. В шугнанском языке они отвечают за область, широко определяемую по шкале удаленности от дейктического центра, но находящуюся возле адресата или, иначе говоря, соотносимую с его сферой. Помимо идеальных примеров, когда референт видим для участников речевого акта, находится ближе к адресату, чем к говорящему, II серия употребляется в том числе в случаях, когда адресат находится вне поля зрения говорящего, а сам говорящий может только предполагать присутствие адресата, когда к нему обращается [Юсуфбеков 1998, с. 20–25]. Несомненно, определение этой сферы есть задача говорящего. Как можно видеть из эксперимента, наличие или отсутствие референта возле говорящего не вносит изменений в употребление демонстративов. Это и требовалось проверить на опыте. Выбор информантом местоимения в данном эксперименте, согласно [Ростовцев-Попель 2009, с. 27], позволяет определить немаркированный компонент в дейктической системе. Та же особенность была замечена Ш.П. Юсуфбековым: демонстративы II серии могут утрачивать пространственное значение и обозначать указание как таковое, скорее всего анафорического характера [Юсуфбеков 1998, с. 22]. Как можно заключить, этот эксперимент обозначает позицию демонстратива II серии как немаркированного компонента в шугнанском дейксисе.

5. Эксперимент второй.

Внутриязыковая

лично-дистантная оппозиция

В ходе следующего эксперимента в первом опыте между локуторами на равной удаленности находились три объекта (см. рис. 2). Во втором опыте объекты занимали пространство в ряд перед говорящим и адресатом. В обоих опытах референты были видимы

для локуторов. Информантам предлагалось указать на каждый из объектов под номерами 1, 2 или 3 при наличии в дискурсивном пространстве двух других.

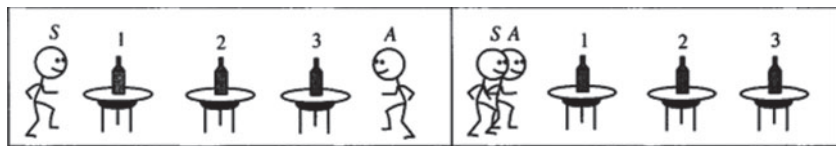

Рис. 2. Эксперимент второй
[Ростовцев-Попель 2009, с. 28]

Результаты, полученные в ходе этого и следующего экспериментов, представлены в виде таблиц с ответами информантов, где в двух строках, представляющих два опыта эксперимента, содержатся данные – демонстративы, употребленные информантами при указании на объекты по пути от ближнего к дальнему. I обозначает I серию, II – II серию, III – III серию демонстративов. По второму эксперименту данные разделены на две таблицы, которые мы будем рассматривать как разные стратегии употребления указательных местоимений. Выделяя основные тенденции и рассматривая каждую парадигму употребления информантом демонстративов как систему, мы перейдем к частным случаям.

Каждый эксперимент можно представить как поступательное изменение относительно предыдущего. Так, в первом опыте мы имеем картину предыдущего эксперимента, измененную таким образом, что в расширенное дискурсивное пространство был добавлен еще один референт. Вместе с тем во втором эксперименте информанты называют все референты, а не только референт 2, как в первом. Таким образом, сначала наша задача состоит в том, чтобы проследить, как меняется употребление УМ носителями при увеличении количества референтов до трех.

Таблица 2

Эксперимент 2. Стратегия А

Информант	Эксперимент 2	
	Опыт 1	Опыт 2
1	I II II	I III III
2	I II II	I II III
3	I II II	I II III
4	I I II	I I III
5	I II – *	I III III
6	I II II	I III III
7	I II II	I III III
8	II II II/III	II II III

* – ответ информанта зафиксировать не удалось

Таблица 3

Эксперимент 2. Стратегия В

Информант	Эксперимент 2	
	Опыт 1	Опыт 2
9	I I III	I I III
10	I III III	I III III
11	I II III	I I/II III
12	I II III	I II III

Рассмотрим опыт 1 в рамках стратегии А (табл. 2). Мы видим доминирующую стратегию маркирования, в которой объект под номером 2 во всех, кроме одного случая, маркируется демонстративом II серии. Так же употребляется он и в отношении объекта под номером 3 во всех случаях, кроме одного, где ответ информанта не удалось зафиксировать. Применительно к аналогичной ситуации, рассматриваемой в португальском языке, А.А. Ростовцев-Попель пишет о необходимости показать контраст между ближним и сравнительно удаленным объектом [Ростовцев-Попель 2009, с. 27].

Касательно референта, находящегося на наибольшем удалении от говорящего, такой же необходимости различать в указании его и средний референт не возникает. В той же работе рассматривается ситуация, в которой невозможно употребить УМ III серии и при указании на объект, «находящийся во внутреннем пространстве коммуникации», т. е. находящийся между локуторами: А.А. Ростовцев-Попель признает, что языки, которые не допускают такого указания, более склонны к дистантному ориентированию, нежели те, в которых оно возможно [Ростовцев-Попель 2009, с. 27]. Примеров такого употребления в шугнанском нами не выявлено. К той же части таблицы, где употребление демонстративов II серии не встречается вовсе, мы вернемся позднее.

Теперь обратимся к стратегии В (табл. 3) для первого опыта. Наглядно в сравнении с данными, рассмотренными выше, употребление информантами демонстративов III серии при указании на референт 3, т. е. объект, ближайший к адресату. Так, можно наблюдать, как в первом случае одна часть информантов четко определяет референт 3 в область адресата (II серия), в то время как другая употребляет в его отношении демонстративы III серии. Употребление последних в шугнанском языке зафиксировано в отношении пространственно удаленных объектов, а в дискурсивном пространстве ассоциируется со сферой 3-го лица, т. е. не соотносимой с локуторами [Юсуфбеков 1998, с. 26]. Таким образом, информанты, употребившие в данном контексте УМ III серии, склонны игнорировать позицию адресата, отдавая предпочтение параметру удаленности референта 3.

Теперь посмотрим, как отвечали информанты во втором опыте. Если для стратегии А изменение позиции адресата повлекло изменения в указании на референты (принципиален переход от II серии к III в отношении референта 3), то в стратегии В этого не происходит (в двух случаях возможно несколько вариантов УМ, их мы рассмотрим позднее). Следовательно, можно сказать, что стратегия В решает проблему появления референта 3 тем, что игнорирует позицию адресата. Ведь все те же информанты употребляли в ходе первого эксперимента демонстративы II серии, значит, увеличение числа референтов изменило подход к указанию в сторону более дистантно-ориентированного. Исходя из анализа Ростовцева-Попеля, положение адресата в дистантно-ориентированной системе не является опорной точкой при наличии трех и более референтов [Ростовцев-Попель 2009, с. 29]. Во втором опыте позиции локуторов совпадают, а использование указательных местоимений становится чуть более упорядоченным: абсолютно доминируют УМ I и III серии в указании соответственно на референты 1 и 3.

В указании на референт 2 как в стратегии А, так и в стратегии В используются все три типа маркирования демонстративов (I, II, III), однако принципы их употребления в разных стратегиях разные. Так, в рамках стратегии В, по-видимому, доминирует дистантная ориентация и УМ II серии используется для указания на объект средней удаленности от дейктического центра. В иных случаях для построения дистантной оппозиции употребляются демонстративы только I и III серий – тогда все референты маркируются либо как I III III, либо как I I III. В ответах этих информантов при появлении третьего референта II серия выходит из употребления, и система работает как двухчастная. Важно подчеркнуть тот факт, что II серия УМ не полностью отсутствует в идиолектах этих информантов, поскольку в первом эксперименте II серию употребляли 100% участников эксперимента.

За исключением одного случая (информант 4) в стратегии А используется УМ II или III серии для указания на референт 2. Исходя из сугубо дистантного определения шугнанских УМ, III серия употребляется в отношении далекого, II серия – относительно близкого референта (видимого в обоих случаях) [Юсуфбеков 1998, с. 40]. Эта дистантная неопределенность их разграничения, зависимость его от личного отношения говорящего были отмечены в работе [Беликов 1972]. Употребить как II, так и III серию можно в одной и той же ситуации:

- (3) a. *Yam* *sitdor* *žiniĵ*, *yid* *tozā*
 D.I:N:SG с землей снег D.II:N:SG чистый
 ‘Этот снег грязный, тот – чистый’
- b. *Yam* *sitdor* *žiniĵ*, *yu* *tozā*
 D.I:N:SG с землей снег D.III:N:SG чистый
 ‘Этот снег грязный, тот – чистый’ [Беликов 1972, с. 74–75].

Объяснить применение разных стратегий в употреблении демонстративов можно через признание идиолектной оппозиции лично- и дистантно-ориентированных дейктических систем. Из рассмотренных А.А. Ростовцевым-Попелем языков мы вновь берем как образец португальский: когда во втором опыте теряет значение позиция адресата, в этом языке выходят из употребления УМ II серии и система становится двухчастной [Ростовцев-Попель 2009, с. 28–29]. Такой же вариант маркирования предлагает и стратегия А во втором опыте (большинство случаев). В иных случаях, где система сохраняет употребление демонстративов II серии, доминирует определение относительно дейктического центра, и

последние отсылают не к сфере адресата, а, соответственно, как это происходит и в стратегии В, указывают на объект, находящийся на среднем удалении от дейктического центра. Таким образом, полученные в результате эксперимента данные подтверждают первоначальное разделение на две группы.

Рассмотрим тот случай в рамках стратегии А, где для указания на ближайшие к говорящему два объекта используются демонстративы I серии (обозначены в двух опытах в табл. 2 как I I II и I I III – информант 4). Так, использование дейктика II серии в первом опыте (III серии во втором) для обозначения референта 3 уже не позволяет назвать эту систему дистантно-ориентированной: информант учитывает позицию адресата. Возможно, так выглядит несколько нетипичная для шугнанского модель лично-ориентированной системы, где из-за вытеснения II серии I серия частично заняла ее «нишу» в дискурсе. Также пограничными можно назвать два случая в табл. 3. Первый из них (информант 11) обозначен как I II III в первом опыте и I I/II III во втором. В первом опыте соблюдается выбор демонстративов, типичный для стратегии В, однако, когда положение адресата меняется во втором опыте, появляется вариативность, где при выборе УМ II серии говорящий придерживается стратегии В, но при выборе УМ I серии реагирует на перемещение адресата. Систему, где выбор был совершен в пользу I серии справедливо считать лично-ориентированной. Последним нерассмотренным отдельным случаем является информант 8 в табл. 2: II II II/III и II II III. Здесь информант допускает повтор в маркировании референта 3 из первого во второй опыт (III → III). Этот повтор совершенно не свойственен стратегии А. В том же месте допускается и типичный для лично-ориентированной стратегии переход II → III. Мы же относим этого информанта к стратегии А из-за выбора демонстративов в маркировании референта 1. Употребление II серии УМ в его отношении не типично ни для одной из стратегий и более того ни для одного из информантов в этом эксперименте. Однако выбор II серии говорит больше в пользу личной ориентации, чем дистантной. В дистантно-ориентированной системе употребление II серии объясняется выражением средней степени удаленности от дейктического центра. В данных стратегии В мы видим такие системы, индифферентные к позиции адресата, в них УМ существуют в парадигме ближний–средний–дальний или ближний–дальний, когда система редуцируется до двухчастной. Парадигма средний–дальний невозможна для двухчастных систем, ведь двухчастная система предполагает бинарную оппозицию близко–далеко. В пользу дистантной ориентации здесь можно говорить лишь в том случае, если информант 8 во всех от-

ветах употребляет II серию УМ в значении ближней степени удаленности. В действительности в речи информанта 8 отсутствуют УМ I серии во всех трех проведенных экспериментах. Примеров такого замещения в существующих описаниях шугнанского нами не обнаружено, однако полностью исключить этот вариант нельзя.

Иначе объяснить такое проявление II серии можно через вариативность в употреблении демонстративов I и II серии. Существующие описания позволяют предположить определенную свободу в выборе между этими сериями. В действительности, «если говорящий оценивает расстояние между собой и адресатом как “близкое” и наблюдаемый объект находится в поле их зрения, может быть употреблена как I, так и II серия» [Юсуфбеков 1998].

- (4) a. *dāδ* *tu* *korgar-en=en* *fuk-aθ* *yast-o?*
D.II:N:PL 2SG рабочий-3PL=3PL все-ADV быть-Q
‘Эти твои работники все присутствуют?’
- b. *māδ* *tu* *korgar-en=en* *fuk-aθ* *yast-o?*
D.II:N:PL 2SG рабочий-3PL=3PL все-ADV быть-Q
‘Эти твои работники все присутствуют?’ [Юсуфбеков 1998, с. 35].

Приведенные выше примеры мы взяли у Ш.П. Юсуфбекова, описанный им опыт очень схож с тем, что можно наблюдать во втором опыте второго эксперимента, а также и в отношении референта 2 для первого опыта эксперимента. Бригадир, обращаясь к звеньевому, находится вместе с ним в одном дискурсивном пространстве, а работники, о которых первый спрашивает второго, – в другом. Вышерассмотренные примеры говорят нам о существовании пограничных областей коммуникативного пространства, где допустимо употребление как I, так и II серии, как II, так и III серии демонстративов.

Теперь выдвинем предположение о двух стратегиях построения дейктической системы, наблюдаемых в этом эксперименте. Нельзя сказать, что их данные представляют собой безупречную оппозицию: можно наблюдать колебания от более дистантного к более личному пониманию пространства носителем. Однако между ними можно провести четкую границу, где одна система будет принадлежать стратегии А, а другая – стратегии В (как в примере с тремя УМ II серии, рассмотренным выше, стратегия определяется в зависимости от употребления одного ключевого дейктика). При этом выпадение из употребления УМ II серии и переход системы к двухчастной свойственны обеим стратегиям. В случае стратегии А это происходит из-за исчезновения точки опоры в лице адресата во втором опыте, в случае стратегии В – из-за изначального

непринятия во внимание положения адресата. Разделение данных эксперимента на стратегии А и В дает возможность постулировать лично-дистантную оппозицию в рамках дейксиса шугнанского языка. Таким образом, к стратегии А отнесены те идиолекты, которым свойственна личная ориентация, а к стратегии В те, которым свойственна дистантная. Стратегия А представляется нам более традиционной для шугнанского языка, исходя из вышеупомянутых памироведческих описаний.

Иначе можно было бы представить природу подобного разделения как диалектную, т. е. связать ее с областью распространения тех или иных языковых явлений. Так, например, М. Жиц Фукс в своем исследовании дейксиса в хорватском языке находит различия в употреблении демонстративов в зависимости от того, проживает носитель в столичном Загребе или в сельской местности [Žić Fuchs 1996, p. 55]. Такое разделение не представляется нам возможным, поскольку носителей шугнанского, предпочитающих ту или иную стратегию, не удастся распределить тем же образом в зависимости от происхождения, «образа жизни» или «физического окружения», как то обнаружила для хорватского М. Жиц Фукс [Žić Fuchs 1996, p. 60]. В табл. 4 представлено распределение ответов информантов и местности их происхождения и проживания. Курсивом отмечены ответы информантов в рамках стратегии В. Не претендуя на статистический анализ, отметим, что данные не позволяют представить какой-либо зависимости выбора стратегии от места. Информанты, происходящие из одного города или джамоата (сельской общины в Таджикистане) или проживающие в одном городе, прибегают к разным стратегиям употребления УМ.

Таблица 4

Результаты эксперимента 2
и места происхождения/проживания информанта

Информант	Эксперимент 2		Место происхождения информанта	Место проживания информанта
	Опыт 1	Опыт 2		
1	I П П	I П П П	Дашт (джамоат Мирсаид Миршакар)	Дашт
2	I П П	I П П П	Хорог	Хорог
3	I П П	I П П П	Кушк (Поршинеvский джамоат)	Хорог

Окончание табл. 4

Информант	Эксперимент 2		Место происхождения информанта	Место проживания информанта
	Опыт 1	Опыт 2		
4	I II	I II III	Вуж (Верский джамоат)	Москва и МО*
5	I II –	I III III	–	Душанбе
6	I II II	I III III	Душанбе	Душанбе
7	I II II	I III III	Хорог	Душанбе
8	II II II/III	II II III	Дарморахтский джамоат	Душанбе
9	II III	II III	Хорог	Хорог
10	I III III	I III III	Парзудж	Хорог
11	I II III	II/III III	Поршинева	Москва и МО
12	I II III	I II III	Рошткалинский джамоат	Душанбе

* – Московская область

6. Эксперимент третий.

Тест на невидимость

В основе третьего эксперимента были позиции адресата и говорящего, отличные от опыта 2 второго эксперимента только тем, что референты оказывались у них за спиной (см. рис. 3). Референты были уже «известны» участникам коммуникации из предыдущего эксперимента и становились невидимы для них лишь на этом этапе, что позволяет говорить об анафорическом контексте при их упоминании, как в мнемонических детских играх, где участники определенное время запоминают предметы, а после этого перечисляют их по памяти.

Рис. 3. Третий эксперимент
[Ростовцев-Попель 2009, с. 30]

В табл. 5 приведены результаты эксперимента. Для сравнения также указаны ответы информантов в последнем опыте второго эксперимента, когда локуторы стоят лицом к ряду объектов (он же на второй половине рис. 3). Курсивом выделены случаи, когда фактор невидимости приводит к «сдвигу» одного из элементов системы демонстративов. Жирным шрифтом выделены те случаи, где выбор местоимения не зависит от видимости/невидимости референта.

Таблица 5

Эксперимент 3

Информант	Эксперимент 3	Эксперимент 2
		Опыт 2
1	<i>III III III</i>	<i>I III III</i>
2	I II III	I II III
3	I II III	I II III
4	<i>I III III</i>	<i>II III</i>
5	<i>II III III</i>	<i>I III III</i>
6	<i>II/III III III</i>	<i>I III III</i>
7	<i>II III III</i>	<i>I III III</i>
8	<i>II III III</i>	<i>II II III</i>
9	I I III	I I III
10	I III III	I III III
11	<i>I II/III III</i>	<i>II I/II III</i>
12	<i>II II II/III</i>	<i>I II III</i>

Сразу следует отметить, что мы не разделяем данные третьего эксперимента на отдельные стратегии употребления демонстративов. В том числе то разделение, что имело место в рамках предыдущего эксперимента, здесь не сохраняется. Однако представляется возможным выделить несколько групп УМ, имеющих общие подходы к реализации дискурса.

Первой такой группой можно назвать ту, в рамках которой употребление демонстративов не зависит от видимости/невидимости референтов (4 случая). В их число входят системы, тяготеющие как к личной, так и к дистантной ориентации.

Однако системы идиолектов, наиболее устремленные к личной ориентации, в эту группу не входят. Критерием выделения таковых

стало исчезновение из употребления II серии УМ при совпадении позиций говорящего и адресата во втором эксперименте (информанты 1, 4, 5, 6, 7). Мы знаем, что УМ III серии употребляются как исключения как из сферы адресата, так и из сферы говорящего и имеют семантику удаленности [Юсуфбеков 1998, с. 32, 42]. Таким же образом, по-видимому, исключаются референты из пространства речевого акта, оказываясь невидимыми. Для двух информантов из этой группы (информанты 1 и 6) существует способ маркирования, заключающийся в употреблении УМ III серии относительно всех референтов. Этот способ маркирования (*III III III*), засвидетельствованный в речи двух носителей, имеет типологическое сходство с дейктической системой португальского языка, отмечаемой А.А. Ростовцевым-Попелем в том же контексте [Ростовцев-Попель 2009, с. 30]. Речи информантов 4, 8 и 11 также свойственен сдвиг *I* → *III* или *II* → *III*, с той разницей, что он не приводит к маркированию всех референтов III серией УМ. На основании ответов этих пяти информантов выделим вторую группу, в которой стимул невидимости вызывает маркирование референтов при помощи III серии УМ.

Третью группу мы выделим из тех примеров, где реакцией на невидимость референтов стал сдвиг в сторону II серии (*I* → *II* и *III* → *II*). К ней можно отнести ответы информантов 5, 6, 7, 11, 12. Заметим, что идиолекты одних и тех же информантов (6, 11) допускают отнесенность как ко второй, так и к третьей группе. В свою очередь, у Ш.П. Юсуфбекова есть пример употребления УМ I и II серии в схожем контексте. Говорящий сидит спиной к окну и задает вопрос, его собеседник, напротив, наблюдает за происходящим снаружи:

- (5) a. *ar* *dam* *māš* *kiyoska=yen* *ku* *gazīt*
 снизу D.II:F:O:SG 1PL киоск=3PL EMP газета
vūγ̣̌-j-o *yid* *γal* *čust*
 приносить-PF-Q D.II:N:SG пока закрытый
 'Привезли ли в (э)тот (II серия) наш киоск газеты или он еще закрыт?'

- b. *yam=i* *yet* *čūγ̣̌-j-at,* *gazīt-en*
 D.II:N:SG=3SG открытый делать-PF-CONJ газета-PL
γal *gumūn* *na-vūγ̣̌-j*
 пока видимо NEG-приносить-PF
 'Этот (I серия) [киоск] уже открыт, но газеты, видимо, еще не привезли' [Юсуфбеков 1998, с. 39].

Здесь существуют два критерия в разграничении I и II серии: во-первых, это «видимость/невидимость определяемого объекта для говорящего и собеседника (т. е. видимое выступает как *близкое*, невидимое воспринимается как *далекое*)» [Юсуфбеков 1998, с. 39], во-вторых, упоминается субъективная точка зрения говорящего, вызванная его отличным от адресата местоположением. Поскольку же в третьем эксперименте позиции говорящего и адресата совпадают, внимание здесь следует сосредоточить на первом критерии.

В свою очередь, переход *III* → *II*, наблюдаемый в идиолекте информанта 12 в контексте третьего эксперимента с трудом поддается объяснению через дейктическое противопоставление, ведь II серия УМ в оппозиции *II* ~ *III* серий отвечает за условно более близкий объект, находящийся в пространстве, соотносимом с собеседником. Эти данные заставляют нас обратиться к определению II серии как общеуказательной. Тенденцию к утрате у II серии УМ значения указания на сферу собеседника и возникновение оппозиции *II* ~ *III* серий по наличию у II серии «значения подчеркнутого указания» и отсутствия такового у III серии отмечает Ш.П. Юсуфбеков [Юсуфбеков 1998, с. 41]. Наша уверенность в употреблении II серии УМ здесь в значении общеуказательной основывается на ряде причин. Во-первых, в эксперименте 3 данные информанта 12 дают нам систему, где все референты маркируются II серией. Это подтверждает отсутствие противопоставления из-за удаленности референтов друг от друга и от дейктического центра. Во-вторых, мы определили дейктик II серии как немаркированный компонент в шугнанской системе. Из этого следует, что употребление II серии информантом в таком контексте (*II II II*) недейктическое, оно не маркирует удаленность от дейктического центра, однако указывает на значение дейктика II серии как дейктика «по умолчанию».

С целью исключить, возможно, слишком навязчивую интерпретацию пространственного определения референтов в парадигме ближний–средний–дальний мы включили в систему четвертый референт и провели дополнительный эксперимент. В него были включены два опыта, необходимых для решения нашей задачи: первый – опыт второго эксперимента, но с четырьмя объектами вместо трех, второй – опыт третьего эксперимента с четырьмя объектами вместо трех соответственно (см. рис. 3). В табл. 6 представлены ответы информантов: в них абсолютно преобладает употребление II серии УМ. Только в одном случае информант 2 не указал на второй по удаленности референт с помощью II серии, однако допустил возможность такого указания. Этот эксперимент дает нам большее представление о II серии как общеуказательной. Возможно, когда количество референтов,

расположенных на приблизительно одинаковом удалении, становится больше трех, необходимость в дейктическом противопоставлении этих объектов резко отпадает.

Таблица 6

Дополнительный эксперимент

Информант		
	Опыт 1	Опыт 2
1	II III II	I/II III II
2	II III II	II III (II) II

Сделаем выводы по третьему эксперименту. Основное разделение по третьему эксперименту – наличие или отсутствие реакции на стимул невидимости вообще. Противопоставление лично- и дистантно-ориентированных систем в этом контексте не дает нам такого четкого разделения, как в предыдущем эксперименте, однако членение на отдельные меньшие группы в данных сохраняется. В первую группу мы выделили системы, где фактор невидимости информантами игнорировался. Во вторую и третью группы вошли идиолекты, в которых невидимость референтов стала стимулом для большего употребления III и II серии УМ соответственно. Мы видим, что шугнанский дейксис допускает определенные способы маркирования невидимых референтов, но нельзя сказать, что какой-то один из них доминирует.

Теперь, опираясь на вышеперечисленные примеры, обратим внимание на данные К. Мюллер. В [Mueller 2015] шугнанские УМ группируются по степени удаленности от говорящего: ближней, средней и дальней соответственно; это местоимения *mi/tam/māḍ*, *di/dam/dāḍ* и *wi/wam/wāḍ* [Mueller 2015, p. 57]. УМ *yam* и *yid* указаны как детерминативы с дейктическими функциями: *yam* указывает на ближнюю область рядом с говорящим, *yid* на ближнюю область в пространстве непосредственно перед говорящим [Mueller 2015, p. 59]. Однако еще по примерам (6), (7) [Беликов 1972, с. 74–77; Юсуфбеков 1998, с. 22] можно установить, что *yam* и *yid* употребляются как демонстративы и не требуют после себя именной группы, как это делают детерминативы. К демонстративам *yam* и *yid* относит в своей классификации и М. Аламшоев [Аламшоев 1994, с. 31]. На рассмотренном выше примере (5), а также на основании обозначенных выше контекстах употребления II серии УМ мы видим, что соотношение *yid* с сугубо ближней

областью в пространстве перед говорящим у [Mueller 2015, p. 59] не раскрывает всю вариативность употребления этого местоимения в шугнанском языке. Из выводов [Mueller 2015, p. 60, 75] также следует, что употребление местоимений *mi/mam/māḏ*, *di/dam/dāḏ* – I и II серии соответственно невозможно в контекстах невидимости. Из полученных нами данных эксперимента 3 можно выделить систему, которая действительно работает таким образом (идиолект информанта 1). Несомненно, способ маркирования невидимых референтов при помощи III серии существует. Однако, исходя из того же примера (5), а также совокупности данных, полученных нами в ходе эксперимента, мы можем опровергнуть эти выводы К. Мюллер.

- (6) *yu=yi* *bād* *daraw* *birēxī* *sūd*, *xu*
 3SG=3SG потом DYN пить:3SG становиться:NPST:3SG и
lūv-j=i *aʃab* *ba-maza* *na* *vad?* *dūnd-ik=ga*
 говорить-PF=3SG EMP ALL-ВКУС NEG быть:PST:F столько-DIM=еще
rūyan *ca* *vēd*, *yam* *sōf-aθ* *ba-maza*
 масло COND быть:NPST:3SG D.I:N:SG совсем-ADV ALL-ВКУС
sūd
 становиться:NPST:3SG
 ‘И он потом начал пить и сказал: «[Разве] не удивительно вкусно?
 Еще немного масла было бы, это стало бы совсем вкусно»’ [Беликов
 1972, с. 75].

- (7) *biyor-am* *cūnd* *tu* *ḡikūd* *na-vūd-ām* *tu*.
 вчера-1PL сколько 2SG искать.PST NEG-быть:PST-1PL 2SG
 ‘Вчера столько тебя искали, но не нашли’.
cūnd=and *vud* *yid?*
 сколько=LOC быть:PST D.I:N:SG
 ‘Во сколько было это?’ [Юсуфбеков 1998, с. 22].

7. Заключение

В ходе нашего исследования была установлена большая вариативность в построении дейктических систем в шугнанском языке. Это связано с разнонаправленными стратегиями, применявшимися носителями в ходе экспериментов. Первый эксперимент позволил нам установить немаркированный компонент в шугнанской системе – II серию УМ, при этом его данные были лишены даже единичных отклонений. Такое определение II серии УМ коррелирует с ее значением подчеркнутого указания.

Результаты второго эксперимента подтверждают существование личной и дистантной оппозиции в языке. Мы установили две стратегии употребления демонстративов в данном контексте, где принципом разделения является наличие или отсутствие реакции носителя на смену положения адресата в пространстве. Третий эксперимент позволил выявить способы маркирования невидимых объектов. Его данные представляются наиболее вариативными, вместе с этим разделение на группы в третьем эксперименте не соответствует разделению на две стратегии во втором эксперименте. Также мы склонны считать, что природу вариативности систем нельзя объяснить диалектным территориальным членением, так как приведенная нами география распространения явлений не дает нам на это никаких оснований. Дистантная ориентация в контексте трансформации системы в двухчастную, засвидетельствованная в проведенных нами экспериментах, не была отмечена ранее в описаниях шугнанского языка. В свою очередь, определение УМ только через парадигму ближний–средний–дальний в большинстве случаев не отражает настоящую семантику трехчастных систем, как это происходит и в шугнанском. Наконец, хотелось бы отметить, что многие из элементов данного исследования пока представляют собой наброски большой системы шугнанского дейксиса и требуют более глубокого и подробного изучения в отдельности.

Список сокращений и глоссы

I – первая серия,
II – вторая серия,
III – третья серия,
УМ – указательные местоимения,
А – адресат,
S – говорящий,
3sg – третье лицо единственное число,
ADV – адвербиализатор,
ALL – аллатив,
I – первая серия,
II – вторая серия,
III – третья серия,
COND – условный аспект,
CONJ – союз,

D – демонстратив,
DIM – диминутив,
DYN – динамический аспект,
EMP – эмфаза,
F – женский род,
IMP – императив,
N – средний род,
NEG – отрицание,
NPST – непрошедшее время,
O – косвенный падеж,
PF – перфект,
PL – множественное число,
PST – прошедшее время,
Q – вопросительная частица,
SG – единственное число.

Благодарности

Публикация подготовлена в ходе проведения работы (проекта № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Автор хотел бы выразить благодарность всем участникам Шугнанской экспедиции НИУ ВШЭ 2019 г., в первую очередь В.А. Плунгяну, Е.В. Рахилиной, Р.В. Ронько, А.А. Сергиенко, В.Д. Бутолину, а также Е.Е. Арманд за помощь в написании этой статьи, работникам Института памирских языков г. Хорога и РОО «НУР» г. Москвы и всем информантам, принявшим участие в экспериментах, легших в основу этой работы.

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-034).

The author would like to express his gratitude to all the participants of the Shugni expedition of the Higher School of Economics in 2019, first of all, V.A. Plungian, E.V. Rakhilina, R.V. Ronko, A.A. Sergienko, V.D. Butolin, as well as E.E. Armand for help in writing this article, to the employees of the Institute of Pamir Languages in Khorog and NUR centre in Moscow and to all informants who took part in the experiments that formed the basis of this work.

Литература

- Аламшоев 1994 – *Аламшоев М.М.* Система местоимений шугнанского языка (в сравнении с другими языками шугнано-рушанской группы памирских языков). Душанбе: Помир, 1994. 301 с.
- Апресян 1986 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семiotика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.
- Беликов 1972 – *Беликов В.И.* К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Забонҳои помири ва фольклор = Памирские языки и фольклор. I. Душанбе: Дониш, 1972. С. 74–77.
- Карамшоев 1963 – *Карамшоев Д.К.* Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Тип. изд-ва АН Таджикской ССР, 1963. 367 с.
- Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 669 с.
- Ростовцев-Попель 2009 – *Ростовцев-Попель А.А.* Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34.
- Эдельман 1976 – *Эдельман Д.И.* К истории язгулямских и шугнанско-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание: история, этимология,

- типология: (к 75-летию проф. В.И. Абаева) / Ред. В.С. Расторгуева. М., 1976. С. 85–96.
- Юсуфбеков 1998 – Юсуфбеков Ш.П. Дейктичность в языках шугнано-рушанской группы: семантико-прагматические аспекты. М.: Азбуковник, 1998. 151 с.
- Anderson, Keenan 1985 – Anderson S.R., Keenan E.L. Deixis // *Language typology and syntactic description* / Ed. by T. Shopen. Vol. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. P. 259–308.
- Bühler 2011 – Bühler K. *Theory of language: the representational function of language* / Transl. by D.F. Goodwin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2011. 518 p.
- Diessel 1999 – Diessel H. *Demonstratives. Form, function, and grammaticalization*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999. 205 p.
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 – Edelman D.I., Dodykhudoeva L.R. Shughni // *The Iranian languages* / Ed. by G. Windfuhr. Abingdon; N. Y.: Routledge, 2009. P. 787–824.
- Mueller 2015 – Mueller K. *Deixis in Shughni: Grammatical and semantic considerations*. Grand Forks: Univ. of North Dakota, 2015. 125 p.
- Žic Fuchs 1996 – Žic Fuchs M. 'Here' and 'There' in Croatian // *The construal of space and thought* / Ed. by M. Pütz, R. Dirven. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1996. P. 49–62.

References

- Alamshoev, M.M. (1994), *Sistema mestoimenii shugnanskogo yazyka (v sravnenii s drugimi yazykami shugnano-rushanskoi gruppy pamirskikh yazykov)* [Pronoun system in Shughni language (in comparison with other languages of the Shughni-Rushani group of the Pamir languages)], Pomir, Dushanbe, Tajikistan.
- Anderson, S.R. and Keenan, E.L. (1985), “Deixis” in Shopen, T. (ed.), *Language typology and syntactic description*, vol. 3, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 259–308.
- Apresyan, Yu.D. (1986), “Deixis in lexis and grammar and the naive model of the world”, *Semiotika i informatika*, no. 28, pp. 5–33.
- Belikov, V.I. (1972), “On the use of demonstrative pronouns in the Shughni language” *Zabonhoi pomiri va fol'klor = Pamirskie yazyki i fol'klor, I* [Pamir languages and folklore], Donish, Dushanbe, USSR, pp. 74–77.
- Bühler, K. (2011), *Theory of language: the representational function of language*, John Benjamins publishing company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.
- Diessel, H. (1999), *Demonstratives. Form, function, and grammaticalization*, John Benjamins publishing company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.
- Edel'man, D.I. (1976), “To the history of Yazghulami and Shughni-Rushani demonstratives”, in Rastorgueva, V.S. (ed.), *Iranskoe yazykoznanie: istoriya, etimologiya, tipologiya (k 75-letiyu prof. V.I. Abaeva)* [Iranian linguistics: history, etymology, typology], Nauka, Moscow, USSR.

- Edelman, D.I. and Dodykhudoeva, L.R. (2009), "Shughni", in Windfuhr, G. (ed.), *The Iranian languages*, Routledge, Abingdon, Canada, New York, USA, pp. 787–824.
- Karamshoev, D.K. (1963), *Badzhuvskii dialekt shugnanskogo yazyka* [Badzhuvi dialect of the Shughni language], Tipografiya izdatel'stva AN Tadzhijskoi SSR, Dushanbe, USSR.
- Mueller, K. (2015), *Deixis in Shughni: Grammatical and semantic considerations*, University of North Dakota, Grand Forks, USA.
- Plungyan, V.A. (2011), *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world], RSUH, Moscow, Russia.
- Rostovtsev-Popel', A.A. (2009), "Typology of demonstratives: the middle deictics", *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 22–34.
- Yusufbekov, Sh.P. (1998) *Deiktichnost' v yazykakh shugnano-rushanskoi grupy: semantiko-pragmaticheskie aspekty* [Deixis in Shughni-Rushani languages: semantic and pragmatic aspects], Azbukovnik, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Артем О. Бадеев, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 115054, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 1; badeev.artem@live.com

Information about the author

Artyom O. Badeev, HSE University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 115054; badeev.artem@live.com